

История религий. Лекция 16

Религии Японии

Мы должны поговорить про религии Японии. И это будет ситуация, как в Китае, – у нас там тоже три религии, вернее, скажем так, три течения составляют религиозную картину. Из этих трех, видимо, ни одна в полной мере религией не является.

Традиционная японская религия называется синто, или шинто¹. Вообще, все, что мы произносим как «с», японцы, как оказалось, произносят как «ш»: не «Сони», а «Шони», Мицубиши, бушидо и так далее. Поэтому, видимо, шинто. Это такой комплекс верований, вполне шаманистически-магический, который принципиально не отличается от воззрений людей, которые жили в Сибири и на Дальнем Востоке. Интересно, что духи у японцев в этой религии синто называются «ками», точно так же называется «кам» – душа предка, которой служит шаман. И сам шаман на языке множества народов Центральной Сибири, на алтайском, на тофаларском² и так далее, тоже называется «кам». Отсюда слово «камлать» – действие, которое производит шаман с бубном. Он – кам. Так что, видимо,

¹ Слово «**синто**» буквально означает «путь богов», заимствовано из китайской книги «И цзин» (Книги Перемен).

² **Тофаларский язык** — язык [тофаларов](#), тюркского народа, проживающего на территории двух сельских поселений — Тофаларского и Нерхинского, которые входят в состав Нижнеудинского района Иркутской области.

есть родство, и вполне прямое. Множество сходств в представлениях японцев о духах, о жизни загробной, о том, что нужно с покойником класть все те вещи, которые ему нужны при жизни. Все то же самое, что мы в шаманизме наблюдаем: те же шаманские практики, тот же бубен, примерно те же песни, которые первобытные маги, шаманы у огня пели, но синто в таком нетрансформирующемся виде дожило почти до сих пор как трогательная религия природы. Японцы это все сохраняют. Вообще, удивительный народ, который умудряется впитывать все, что он видит у других народов, все перерабатывать и ставить себе на пользу, изобретать кучу всяких невероятных штук, тут лежат некоторые из них и, кстати, ручка тоже оттуда, — при этом сохранять уважение к самой глубокой древности. Как это в нем сочетается, удивительно. Народ абсолютно в этом плане уникальный. Почему они таковы, мы не знаем, но сами японцы очень любят подчеркивать, что ни одной традиции древней они никогда не вычеркивают. Точно так же, как в китайском и японском языке все древние иероглифы живы. При желании, всех можно выучить, например, писать иероглифами, которые применялись сто, двести, восемьсот, две тысячи лет назад. Это применяется для стилизации. Это в переводе не возможно никак передать. Я слышал Веру Маркову, переводчицу классической

японской литературы, она говорила о том, что нет никаких языковых средств в русском языке (ну, я думаю, в европейских тоже) для того, чтобы передать, когда какой-нибудь мастер, Ясунари Кавабата³ или тот же Мисима⁴, вставляет в свои рассказы и романы куски, написанные прозой, стилизованной под древность, причем под сто-, двухсот-, восьмьсотлетнюю, – именно теми иероглифами, которыми тогда писали. И это производит совершенно обалденное впечатление, эстетское такое любование техникой, и, кто понимает, тот поймет, остальные пропускают. Великолепный прием, в европейской литературе, к сожалению, совершенно немыслимый. Ну, можно вставить кусок какой-нибудь ломоносовским слогом, но это будет все равно немножко не то, а более древним – так мы никто и не владеем. А уж чтобы писать иероглифами! Буквы-то все равно одни и те же. Вот так любопытно устроена японская культура.

Японцы, как и многие народы, не рассказывают правду о своем происхождении, а предпочитают легенды. И они, естественно, в этих легендах происходят от богов. Как японцы реально возникли, как они попали на эти очень

³ **Ясунари Кавабата** (1899—1972) — выдающийся японский писатель, офицер французского [ордена искусств и литературы](#) (1960), лауреат Нобелевской премии по литературе (1968).

⁴ **Юкио Мисима**, настоящее имя Кимитакэ Хираока (1925—1970) — японский писатель и драматург.

отдаленные острова, откуда они реально пришли – трудно сказать, до сих пор спорят ученые. Есть версии, что японцы – это выходцы из разных мест. Они все приплыли – понятно, что дойти невозможно, очень далеко, острова очень далеко в океане – какая-то часть приплыла с юга Китая, какая-то из Юго-Восточной Азии и Индонезии, кто-то приплыл с Малайских островов, то, что называется Полинезии, огромного количества народов и племен, которых мы никогда не будем знать, сколько их там. Там на каждом большом острове какое-то свое племя. Вот они все как-то мигрировали, как-то попали на острова и смешались. И образовали такое удивительное племя.

Первоначальные жители японских островов – это не японцы, это народ айны⁵, блондинистые, симпатичные. Но японцы их вытеснили на дальний север, и они сейчас там проживают в каком-то количестве. Они в, более-менее, первобытном состоянии были. Сейчас, конечно, в виду такого соседства они чувствуют себя получше: научились водить машины, пользоваться приемниками. Но они сами ничего не придумали, они живут в тени гигантской

⁵ **Айны** (яп. アイヌ айну, букв.: «человек», «настоящий человек») - древний народ Японских островов. Происхождение их неясно. В отличие от людей монголоидной расы, айны обладали густыми волосами, носили огромные бороды и усы, черты лица были европейскими. Появились на Японских островах около 13 тыс. лет до н.э.

японской цивилизации, и японцы большую их часть истребили, как положено завоевателям. Но, поскольку им северная часть острова Хоккайдо, которая примыкает к Курилам, Сахалину, была не нужна, то они их там оставили. Вот эти жили там изначально. Это, видно, какие-то европейские ребята.

Группа айнов в традиционных костюмах, 1904

А пришельцы из Азии, смешавшись, образовали новую японскую нацию, японскую расу, удивительную по ментальности своей и привычкам.

Очень рано в Японию стали прибывать люди из Китая и Кореи, и под сильнейшим китайским, корейским влиянием сформировалась культура Японии. Я вам говорил, что Китай на Дальнем Востоке – это как Солнце,

вокруг которого вращаются планеты. Так же, как здесь была Греция, вокруг которой все вращалось. Здесь было два полюса – греческий, потом стал еще и палестинский, еврейский, то есть Афины и Иерусалим, а там ничего другого не было, был один Китай. И китайское влияние, оно, конечно, доминантное: и халаты, и кимоно, и форма заточки меча, и иероглифы, и палочки – все из Китая, но очень любопытно переработанное, то есть они в смысле переработки пошли еще дальше, чем корейцы. И вот удивительная штука: в Китае сформировалась система полного, поголовного подчинения. Значит, у человека, вообще-то, никаких прав нет – ни у кого, никаких. А в Японии – нет. И когда они излагали привезенные из Китая заповеди буддийские, то они вносили очень интересные изменения, анализ которых четко показывает, почему Китай и Япония пошли такими разными путями. В Японии сложилось с самого начала понятие прав личности и уважения к этим правам, выбор, например. Воин мог выбирать, какому из господ он служит, мог переходить. В Китае – нет: где родился. Совершенно крепостническая система, такая жестко феодальная. В Японии у людей были известные права, причем они с самого начала кодифицировались, записывались. Интересная система японского общества. Наверху, конечно, военное дворянство, те, которых мы называем самураи, в самой

Японии их так далеко не всегда называли, и сложились они как самураи тоже довольно поздно, но военное сословие, типа рыцарства европейского. Вот интересно – ни в Китае, ни в Индии, ни на Арабском Востоке их не было, только на двух полюсах – на Западе и на Востоке. Удивительно. Они, конечно, самые важные. На втором месте идут крестьяне, чего бы в Европе и в Китае никогда б никто и не помыслил, потом идут горожане, ремесленники, и только потом идут торговцы. Такая романтическая схема – деньги в самом низу, удаль – наверху, и те, кто кормят, крестьяне и ремесленники, в середине, причем крестьяне идут на втором месте. Вот как интересно. Ничего похожего в Европе не было, и быть не могло. Конечно, горожанин был куда круче.

Какие верования прибывали из Китая и Кореи? Это довольно рано пришедший туда буддизм в такой китайской форме, в форме чань, и интересно, что в форме очень близкой к самой индийской. Видимо, приплывали ребята с самого, самого дальнего Запада. Не исключено, что и сами индийцы. По названию некоторых буддийских святых, которые в Японии, приобрели свои имена, видно, что эти имена не подверглись китаизации: прямо на санскрите, в индийских устах их слышали и потом придали им японское звучание. Значит, видимо, буддийские миссионеры доплывали так далеко. И там

получилась интересная смесь буддизма китайского, чань, очень своеобразного, и буддизма традиционного, махаяна, который царил в Индии, в особенности в ее северных частях, и это все сплавилось в буддизм дзен. Очень своеобразное течение, чисто японское, которое во многом определило характер, судьбу и облик японского народа: начиная от среды, одежды, эстетики, живописи, манеры одеваться, всяких украшений и стильности японской, от которой все в таком восторге, и кончая этическими, моральными установками. Буддизм там очень быстро принял жестко воинскую форму. Это только монастыри. При монастырях учитель, у которого железная и непререкаемая власть, жесточайшая палочная дисциплина среди учеников. Ученики – только парни, никаких девок они не брали в монахи и не хотели слышать о женском монашестве, никогда в Японии его не было, никогда вообще. Это, наверное, единственная страна, где женщины вообще к священнослужению никакого отношения не имели, никакого. Ни в одной из религий, хотя их там три, и, казалось бы, могли, но нет. У женщин иная функция, и в священных службах ее не было. Пацанов, юношей воспитывают абсолютно как самураев. Почему самурайскому сословию очень понравился дзен-буддизм, и они стали ему сильно сочувствовать и вытеснять традиционную религию синто? Именно

буддизм. Потому что там культ мужества: пацанов учат не бояться холода, жары, с какого-то, чуть ли не пятилетнего возраста бросают их об стенку, из циновки сплетенную, но он должен уметь защищаться, прыгать, приземляться на мягкое, но так, чтобы ничего не поломать. Если он начинает выть, канючить – его тут же бьют, то есть воспитывают такой железный мужской дух. Подъем ранний, кроссы, владение лошадью, владение всеми видами оружия – хороший монастырь такой. И самое важное, из внутренних, из этических моментов – монах должен всегда знать, к чему он идет, уметь добиваться цели и ради цели не бояться ничего, в том числе и пожертвовать собственной жизнью. Это чисто воинское воспитание. Самураям это очень нравилось, они видели, как бы переключку своего кодекса, который тогда еще не оформился как бушидо, он потом такие формы примет, – и буддийского, и они стали говорить: «Вот буддизм – это правильная религия, мы – за буддизм». Стали поддерживать монастыри. Монастыри, так же, как и феодалы (тут пошло точно, как в Европе), стали крупнейшими земельными собственниками наряду с феодалами. Сложился мощнейший блок. Кто ему мог противостоять? И традиционные японские, ну скажем так, цари, как они их называли, как раз придерживались традиционной религии синто. Но именно эта религия,

потому что она была против феодалов и буддизма, потихонечку отступала на второй план, и ее объявляли предрассудком, глупостью, невежеством, религией толпы, крестьян каких-нибудь тупых, а просвещенная публика должна была исповедовать буддизм. Вот такие дела. И потом еще, гораздо позже, пришло конфуцианство из Китая в своей такой своеобразной форме. Принес его ученый по имени Чжу Си⁶. Он был китаец, но он как-то очень своеобразно понял Конфуция, великого Кун Фу-Цзи, достойного учителя, и из самого Китая ему пришлось уехать, потому что в Китае была своеобразная манера разговора с людьми, которые не придерживаются официальной доктрины. Великий историк Сыма Цянь⁷, который написал историю Китая, длиннейшую и подробнейшую, написал то, что не понравилось официальной историографии и императору, его кастрировали, чтобы от него не рождались дети с склонностью к критике. Царица, императрица Консаньфу такая в Китае, прочитала книги мудрецов, сказала, что нам это на хрен не нужно: или они перепишут быстро, особенно исторические сочинения, или мы их утопим. Но

⁶ **Чжу Си** (Чжу Юаньхуэй, Чжу Чжунхуэй, Чжу Хуэйань) – выдающийся конфуцианский философ-энциклопедист, литератор, 1130–1200 гг. Вторая по значимости фигура после Конфуция, создатель китайского Четверокнижия.

⁷ **Сыма Цянь** – (145-90 гг. до н.э.), историк, писатель, астроном, автор труда «Ши-цзи» об истории Китая от начального периода до современного ему момента.

не просто, а в дерьме. И всех, кого она нашла из тех, кто были книжниками, она в дерме и утопила. Хороший метод. Потом Ленин сказал, что интеллигенция – это не мозг нации, а говно, но это уже давно в Китае все было. В Китае же придумали замечательный метод, который называется промывка мозгов. Промывка мозгов – это не то, что сейчас, типа бесконечный «звездёж» по телевидению, настойчивое внедрение в сознание «пипла» какой-то простой мысли, типа «Америка – параша, победа будет наша», «во всем виноваты жидаы и велосипедисты». Промывка мозгов – это реальная совершенно штука: человека подвешивали вниз головой и в нос и в рот лили воду, лучше солёную, пока из него все это не выходило, и он не признавал ошибки. Да, вот это называлось «промывать мозги». То есть в Китае все конкретно, там нет этих европейских абстракций, то есть они есть, но не применительно к социальной практике. Чжу Си это все знал и поэтому уехал в Японию, изложил там свое конфуцианство, в своем варианте, не особо отличающееся от ортодоксального, и это понравилось определенным кругам в Японии, и они стали его тут же настойчиво проповедовать. Это было уделом придворных и какой-то определенной части феодального класса самураев, которые оформились в высшую прослойку и стали называть себя сёгуны, правители. В их среде

конфуцианство стало самым популярным. Так сложился триумvirат, который есть до сих пор: конфуцианство в форме Чжу Си, буддизм как дзен и синтоизм традиционный.

Про синтоизм как специфическую японскую систему взглядов. Синтоизм полагает, что все в мире одушевлено. Помните, я вам рассказывал, это классический взгляд даосской алхимии. Все имеет душу: подушка, ручка. Ну, подушка, ручка – это творение рук. А вот дерево, камень, рыба, естественно, – все на свете, все имеет душу, и все может быть анимизировано, то есть со всем можно заговорить, ты можешь почувствовать душу ветра, душу облака, волны. И этот взгляд, в первоначальном виде примитивный, но если его поднять на определенный интеллектуальный уровень с помощью того же буддизма и высокой культуры письменной, он получается необыкновенно поэтическим. Тогда народ не разделяет себя с природой. И в Японии удивительно трогательное отношение к природе именно от этого. Все – живое, поэтому ты особо не трогай, не распоясывайся по отношению к природе. Нет хищнического, варварского отношения.

Против чего демонстрируют сейчас демонстранты в Фукусиме? Одни требуют вообще закрыть на хрен все

реакторы – это безумие, потому что Япония погрузится во тьму, до сорока процентов они получают от атомных реакторов, – а другие говорят: «А на хрена ж вы морскую воду заливаете?» Это же она возвращается, ну, потом же ее назад и сливают: реактор охлаждает, и воду – назад в море. Его построили возле моря, чтобы, если что случись, было чем охлаждать, потому что воды требуется жуткое количество. Это погубило Чернобыль – неоткуда было воду подвозить. А чем еще охлаждать? Вода потом охлаждается, уже нагретая возвращается в море: во-первых, она горячая, а во-вторых, она что-то, конечно, хватает из радиоактивности, и это ж губит рыбу, губит всяких там креветок и рачков, губит птиц – это ж страшный вред природе. Вот об этом они думают. Я не знаю, сколько в этом невежества. А чем охлаждать? Лучше, чтоб люди гибли? Но вот еще показательный момент: они в такой момент думают о защите моря вокруг себя. Очень японский взгляд на вещи.

Синтоизм полагает, что мир создали боги, ну, это понятно. У них там, у этих богов и богинь, есть имена. Была пара богов – Идзанами и Идзанаги. Эта Идзанами родила

одного только сына, бога ветра, такой Тайзинь, и умерла⁸. И дальше надо было как-то эту землю заселять, и этот бедный парень остался один. Ну как ему? И он стал из себя делать всех следующих своих детей, например, из его глаза возникла первенствующая в японском пантеоне богиня Аматерасу. Может быть, вы слышали про Аматерасу? Богиня Солнца. Она считается первым номером в огромном синтоистском пантеоне. Пантеон этот безграничен, его никогда никто не останавливал. Все, что новое появилось: вентилятор, например, это душа? Безусловно. Привезли какую-нибудь птицу, которой не было в Японии, ну, например, курицу (кур привезли в Японию в девятнадцатом веке. Они с изумлением взирали – никогда не видели курей) – это как бы существо с душой? Ну, конечно, какие могут быть вопросы. Число этих kami, духов, до бесконечности разрастается, и, таким образом, мир вокруг тебя населен огромным количеством живых существ. Но Аматерасу среди них первая, и ей полагаются первые слова во время молитв и богослужений. Но по числу храмов, которые ей посвящены, Аматерасу не занимает первого места. А первый – земледельческий бог,

⁸ **Идзанами**, согласно мифам, родила несколько детей-богов, последним был бог огня – Кагуцути. При рождении Кагуцути его мать, Идзанами, была опалена его пламенем и умерла. Рождение Кагуцути в японской мифологии завершает конец Эры сотворения Мира и знаменует собой начало смерти для всего живого. По другой версии Аматэрасу, Сусаноо и Цукиёми были рождены из головы Идзанаги после ухода богини Идзанами в страну Ёми.

бог земли Инари⁹, потому что солнце далеко, а надо же пахать землю. Рис, овощи – все из земли. И вот этому богу Инари больше всего посвящено святилищ. Из губ Идзанаги родился бог ветра Сусаноо-но-Микото¹⁰. Много этих самых богов. Их приключения не так интересны, как индийских или греческих, когда у каждого биография громадная, тут все так довольно простенько. Ну, как у всех народов, есть некая биография у богов и богинь. Чем замечательна Аматерасу? Она подарила людям (люди – это только те, кто живут на японских островах, других людей не может быть. В этом плане, как Китай: Чжун Го – страна Срединная, Поднебесная, ну, а дальше идут варвары с четырех сторон, – японцы точно так же рассуждают. И земля – это только Ямато, Япония. Сами японцы называют себя «ямато»¹¹, вот само слово «Япония» я расскажу, как возникло, или там «Джапана» английская. Оно возникло из китайского названия, сейчас скажу чуть позже), так вот, на земле Ямато живут люди, и этим людям Аматерасу дала

⁹ Неточность: **Инари** — богиня изобилия, риса и злаковых культур..

¹⁰ **Сусаноо** или **Такэхая Сусаноо-но Микото** - «доблестный быстрый ярый бог-муж из Суса») — бог ветра, в японской мифологии последний из божеств, появившийся из капель воды, которыми первый на свете бог-мужчина Идзанаги омыл свой нос после того, как вернулся из страны мертвых. Возможно, что в образе Сусаноо объединились несколько божеств, поскольку Сусаноо также считали божеством страны мертвых, в некоторых мифах он божество плодородия.

¹¹ Термин «**Ямато**» может иметь несколько значений – 1) древнее название японского государства; 2) общее название основной этнической группы японцев; 3) японский национальный стиль.

путь, которому надо следовать для служения богам. Путь этот определяется тремя материальными предметами. Это очень конкретная штука. Бог через конкретику проявляется, через три предмета, которые ассоциируются с этой богиней, у которых особая душа, не такая как у всех предметов. Первое – это зеркало, второе – это бусы и третье – это меч. Вот зеркало, бусы и меч – это три главных атрибута богини Аматерасу и три главных, так сказать, предмета в синтоистском обиходе. Самое главное из них что? Зеркало, меч или бусы?

Студенты: Меч.

Мацих: Зеркало. Кровожадность ваша известна в обеих столицах. Конечно, зеркало. Да, потому что в нем все отражается. Бронзовое зеркало богини Аматерасу. Ее прямыми потомками считаются японские императоры, которые называются микадо¹², сыны богов, и сидят они на Хризантемовом троне. В Египте и Вавилоне считали, что цари или фараоны – прямые потомки богов. В Японии так считают до сих пор. Когда император Хирохито в 45-ом году выступил с речью и добавил, что он, во-первых,

¹² **Микадо** (япон. "ми" — достопочтенный и "кадо" — врата), древний титул японского императора. Сам термин относится к императорскому дворцу или резиденции; он нашел широкое распространение, потому что у японцев не принято называть императора по имени. Современное японское название императора — Тэнно (Сын Неба).

просит подданных о капитуляции, – половина офицеров немедленно сделала харакири. Во-вторых, он просит прекратить войну и извиняется, и, в третьих, (это американцы вписали обязательным, и он вынужден был это сказать), что он признает себя таким же человеком, как все, и признает, что он не потомок богов и не потомок богини Аматерасу. Этого вообще никто не понял. Парень-звукооператор, который сидел на озвучке этого дела, после того, как император вышел, он ему поклонился, немедленно повесился. Вот, японский штрих. Но он это сказал. Никто это не воспринял всерьез. И до сих пор, безусловно, императорский дом в Японии считается, конечно, прямым потомком богов. Я думаю 90% жителей, которые делают танкеры, компьютеры, неслыханную электронику, убеждены, что это прямые потомки богини Аматерасу, и не может быть по-другому. Это все в них уживается удивительным образом. Таким путем.

Студентка: Даже если они буддисты, конфуцианцы?

Мацих: Я думаю, да. У них же нет такого. Там, как и в Китае, ситуация синкретическая, смешанная. Там никогда не было религиозных войн, гонений. Там были войны политические, еще какие крутые: за имущество, за женщин – как положено – за влияние, но по религиозному принципу – нет. Никто не мог сказать на вопрос: «Како

веруеши?» (В кого ты веришь?). Как бы сказал: «Ну вашу... я? Я верю в это», – то есть в вещи прямо противоположные с христианской точки зрения.

Добрый японец, – это отмечают все, кто там были, – если жена забеременела, куда идет? Конечно, в синтоистский храм и просит у всех этих матушек, чтобы она хорошо выносила, не скинула, родила. В день рождения он, естественно, в синтоистском храме устраивает празднества, это обязательно, приглашает соседей. Если кто заболел, куда он идет? Он никогда не пойдет в синтоистский храм, он пойдет к буддийскому монаху просить о выздоровлении, об облегчении участи. Если, не дай Бог, помирает кто, родственник или знакомый, то, конечно, буддийский монах служит погребальную службу, это обязательно. То есть все, что связано с жизнью – рождение, свадьба, совершеннолетие мальчика, первые месячные у девочки отмечаются до сих пор. Все природные циклы, все, совершенно четко, никто не видит в этом ничего не только постыдного, даже странно, что это может не соблюдаться. Это все синтоисты. По этому поводу есть обряды, очень красивые и красочные, такие поэтические, далекие от физиологической основы, очень все красиво и хорошо. Мальчику дарят карпа, – карп –

единственная рыба, которая против течения плывет в Японии¹³, – поэтому сильным быть, как карп.

Студентка: В смысле, против течения?

Мацих: Ну, японский карп плывет против течения в японских реках, ну, такой парень. Наверное, какой-то особый. Тех карпов, которых я видел, вот эти толстые, куда им плыть? Против какого течения? Это какой-то особенный карп. Девушке дарят, ой, забыл я название рыбы, тоже рыбку, потому что она плодovitая. Она мечет больше всех икры. Естественно, девушке желают плодovitости, это во всех религиях. И это все синтоистские обряды, они очень древние, старые. Там жрец называется куниси, священник синтоистский, он говорит какие-то слова, которые никто не понимает, он потом их переводит на современный язык, потом все поют, едят. Естественно, едят только вегетарианское. Мясо, рыбу – нет. Только подарить можно. Можно выпить крепко, это, пожалуйста. Устраиваются танцы, устраиваются состязания, борьба, конные скачки, стрельба из лука. Кто побогаче, приглашают борцов сумо – это же классический вариант,

¹³ В японской мифологии **карп кои** считается мужским символом, символом силы, так как может высоко выпрыгивать из воды и плавать против течения. Флаги с изображением карпов (коинобори) вывешивают в День Детей — 5 мая. Иногда вешают несколько флагов разных цветов: черный — в честь отца, красный — в честь матери, и синий — по числу детей.

это же почтить духов самым лучшим образом. Это когда два здоровяка пихают друг друга пузом, и народ от этого ловит кайф. Ничего похожего в буддийском монастыре, конечно, в жизни не могло бы произойти. А туда идут по каким поводам? По грустным. Например, человек потерял работу, заболел, какие-то неприятности в жизни, ну и, конечно же, смерть. Смерть, погребальные обряды – это все буддийское. Вот такое удивительное разделение. То есть он – буддист, он вышел из храма, совершил все ритуалы очистительные, потом он выезжает на машине, – это описывают все люди, которые в Японии жили, – едет километров двадцать поклониться духу озера. Для него совершенно естественно, он совершает тут же синтоистский ритуал. Ну, как у нас бы человек сказал: «Я сейчас зайду в синагогу, подождите меня, я выйду минут через сорок, сразу пойдем в мечеть, да, а потом у нас, что у нас?» – «У нас сегодня католический храм». – «Я отстою службу, все как положено». У нас это невозможно. Европейская ментальность требует, чтобы генеральная линия, а в Японии – пожалуйста.

Студентка: Но при этом все-таки принадлежность к религии есть?

Мацих: Нет, они не определяют ее, у них даже нет слова «религия». Слово «религия», писал Кавабата

(поэтому он получил Нобелевскую премию, что для него было полной неожиданностью), что «у нас нет слова, нет иероглифа для религии. Есть слово – «кё» – учение, есть слово «до» – Дао – путь, но нет слова «религия», как в европейском смысле». Вот ученые типа Кавабаты сказали бы: «Ну, нам неудобно, блин, нам надо переводить трактаты, там написано «религия», как то надо». Или они говорили слово «сё-кю», которое условно переводится как «письменная доктрина», то есть для них религия – это обязательно что-нибудь записанное. Вот синтоизм – точно нет, там никаких письменных текстов нет, конечно, и быть их не может. Все изустно. Никто из японцев не скажет, кто он такой как таковой. Конфуцианские заповеди естественны, потому что – а как же иначе? Как же преданность государству, семейные добродетели, старший – младший, работодатель – работник? Это все конфуцианство регулирует. Буддизм – все, что относится к мирозданию. Но человек же задумывается об этом: как он, где он окажется после смерти, зачем он пришел в мир, верно? А синтоизм – он же живет каждый день. Вот он выходит, видит сосну, сорочье гнездо, закат, едет к морю. Это что? Это синто, конечно. Да вот такая удивительная штука. Любопытная штуковина, один мастер каббалы сказал: «Какая самая бесполезная вещь на свете? Читать стихи луне». Луна никого из своих поклонников ничем не

вознаградит. Стихи можно читать даме, рассчитывая на благосклонность, можно не получить, но надежда будет греть. Стихи можно читать правящей партии – точно получишь награду. Стихи можно читать какому-нибудь конкретному деятелю, ну, это классический путь: нет поэта, который бы этим путем не шел, в расчете на золотой и пряник с барского стола. Другу. Друг хлопнет по плечу, нальет водки, – ну, это друг, а от него и это будет поощрение. Стихи пишутся только для. А вот луна, она никого не вознаградит. И в каббале есть ритуал, когда читают стихи луне – самое бесполезное занятие на свете: доказать свою бессребренность. Оказывается, у японцев есть такой ритуал. Ничего они, конечно, не знали о каббале, как я думаю, каббалисты в те времена понятия не имели ни о какой Японии, просто мысль шла интересным образом одинаково. У них есть ритуал: осенью, в полнолуние, когда еще прохладно, но нехолодно, все выезжают на водоемы, но не в море. Море уже штормит, а вот на озера, на реки, особенно озера и пруды ценятся. Вся ночь освещена факелами, прожекторами, фонариками, свечами – ни одного темного места. И вот лодка (все лодки на прокат). Глава семьи усаживает там всю семью, сколько б их не было, все поколения в одной лодке большой, и выплывают на середину и любуются. «Праздник двух лун» называется: луна – в небесах и луна – в озере. Надо

дождаться, чтобы по возможности не было ряби ни от весел, ни от рук, отплыть от других лодок. Только если ветер всколыхнет. Полное совпадение: когда лик луны отразится полностью в воде, в этот момент надо начинать читать стихи. Читают то, что сочинил человек от души прямо тут, у кого есть дар. У кого нет – запасаает какие-то стихи из поэтов. Самые крутые читают классику японскую, китайскую. И так проходит вся ночь. Можно выпить, закусить – без проблем, это, пожалуйста, – пристать к берегу, сходить по надобности. Но вся ночь! Это не выплыл на пять минут, сказал стих и потом наконец занялся делом, нет! То есть ты всю ночь пребываешь в таких возвышенных занятиях – ты читаешь о ней стихи. Мне кажется, это совершенно обалденная вещь. Я не представляю себе ни в одной европейской стране, ну, как бы все спроецированы на Россию, ну, а вы хотите сказать, французы романтические поплывут? Да вряд ли. Я не знаю, кто. В Америке вас сразу после изложения этого отвезут в психушку. Это абсолютное безумие. Вот такая штука. Да еще частная собственность. То есть очень много удивительных черт в японской ментальности, нам непонятных. Точно так же нам непонятно, кто они по религиозной идентичности. Это ж первый вопрос, который мы спрашиваем: «Как тебя зовут, куда ты ходишь, за кого будешь голосовать?» Да? Голосовать их, наверное,

интересует, а вот: «В какой храм ты ходишь?» – «Во все. А в какой бы я мог не ходить? В любой, естественно, хожу». Вот такая вот штукавина.

Да, много удивительных вещей можно рассказывать об этом народе, об этой стране. Я не знаю, что тут причина, а что следствие – этот сплав обусловил такое удивительное сочетание качеств в японском народе или благодаря каким-то качествам в Японии сложился такой удивительный сплав трех религий. Ну, они не ревнуют одна к другой.

Что про синтоизм вам сказать? Синтоистские культы древние. Жрецы обучаются. Мальчик приходит и говорит: «Хочу быть жрецом, куниси», – как бы посланником этих ками, посланником духов, как шаманы. Только шаманы совсем в примитивном обществе, а тут он приходит, его там как-то испытывают и обучают. Обучение только устное. Он прислуживает в храме, убирает, потом его чему-то учат, каким-то ритуалам. Всему он научивается. Потом он берет следующих, и так далее. Жрецы, естественно, женаты, у них есть дети, дети совершенно не обязательно идут по их стопам. Они служат, причем идет служба в храме: сколько служб заказали, столько он служит, потом он уходит, переодевается и может заниматься чем угодно: быть лавочником, лодочником,

работать в банке абсолютно запросто. Это занятие не требует всего его. Он служит духам, когда духи этого требуют, не требуют – он не служит. У него есть календарь какой-то, когда он идет в храм, даже если там никого нет, ну, тем более, если люди приходят, он, естественно, в храм идет и открывает. А так нет. Вот тоже довольно удивительная вещь. Деньгами брать ни в коем случае нельзя никакому куниси, брать можно только натурой. Это, видимо, очень древний обычай, когда и денег, может, еще и не было, и они не имели никакой ценности. Значит, кто рисом, кто водкой рисовой – сакэ, кто овощами – ну, по-разному. Например, замечательный один режиссер сделал такой подарок – он снял о храме фильм. Это был его подарок. И показал во всем мире. И эти куниси его смиренно благодарили.

У храмов есть иерархия: чем больше населенный пункт, тем храм больше. И у храма его главная часть, которая сразу делает понятным, что это синтоистский храм, как мы видим крест – мы понимаем, что это церковь, – минарет или там шестиугольная звезда – мы понимаем, что это синагога, – это ворота, они называются «тория»¹⁴, такие

¹⁴ **Тории** - ритуальные врата, устанавливаемые перед святилищами японской религии синто. Традиционно они представляют собой выкрашенные в красный цвет ворота без створок, из двух столбов, соединённых поперёк двумя перекладинами.

красочные ворота, которые стоят очень за много метров до храма. Они не выполняют функциональной роли. Это показывает святую землю. Вот когда ты туда ступаешь – там уже священная земля. Там нельзя громко говорить, там даже в некоторых храмах, я слышал, требуется переодеваться. Есть кабинки, люди оставляют там европейскую одежду, ну, все ж ходят в джинсах, во всей этой халяве, – и переодеваются в кимоно все. Женщины берут веер, переобуваются в сандалии, носки специальные, как раньше, по этой земле можно только так, и идут тихо, все без телефонов, транзисторов, естественно, тачки значительно раньше оставляют, потому что такая святая, сакральная территория. Ты вступил, и дальше три павильона: павильон подношений, павильон благодарения и павильон, где тело бога, ну тело, что-то там такое священное. Этим священным может выступать любой предмет теоретически. Но чаще всего это что: это либо дерево, либо камень красивый, скала, а бывает и озеро, а бывает и целая роща или урочище. Вот отчего, наверное, такое тонкое чувство природы у японских архитекторов и дизайнеров. Все храмы синтоистские устраивались в удивительно красивых местах, потому что само природное место служит святилищем. Поэтому и построй так, чтобы оно вписывалось. Не противопоставлять храм природе, а наоборот, его

вписывать туда. Что делается у нас? Срубить в лесу просеку, там поставить церковь – начинается любое жизнеописание любого монаха, католического и православного. Тут, наоборот, ничего не руби, а, наоборот, впиши туда свое – это разница в подходах. Ну, вот про синтоизм в основном.

Студентка: А вот эти японские сады камней, они связаны как-то с религией?

Мацих: Они связаны, да. Они, конечно, возникли в буддийских монастырях для размышлений. Поскольку ни одной религии не запрещено брать что-то у другой, соседней, отчего и характер японского народа – совершенно не запахло учиться. Будет он ездить и говорить: «О, это классно, мы это применим». – «Так это ж наше?» – «Ну, ничего, было ваше». То есть, абсолютно ничего зазорного ни в чем нет. Японцы – лучшие в мире ученики. Я думаю, вы не будете спорить. Страна, которая выписывала и, кстати, выписывает до сих пор журналы «Юный техник» и «Техника молодежи». Японцы выписывали обязательно, все внимательно штудировали, видели дикие и нелепые изобретения, которые тут все отметили, и начинали внедрять. Поскольку здесь всех этих пацанов посылали известно куда. А потом это все всплывало как великолепное японское ноу-хау. Вот они так

езде. Кучу литературы народ читает. По переводам литературы на японский язык Япония занимает, с невероятным отрывом, первейшее место в мире. Нет книжки, которую, [если] бы она хоть чуть-чуть заслуживала, они бы не перевели. Вот, я думаю, это у них идет от того, что у них сложилось тысячелетиями понимание того, что нет ничего дурного в том, чтобы заимствовать. Христианство разве что-нибудь заимствовало бы у ислама? Да, нет, конечно. А иудаизм? Да, наоборот, как только иудаизм узнал, что из его практики что-то взяло христианство, тут же отказался. «У христиан поют в церкви? У нас надо отказаться», – хотя в храме пели. Вот так. А здесь – нет. Вот у буддистов есть сад камней, для чего это делается? В буддийском храме не может быть никаких украшений, там строгий аскетизм, белые стены. И вот они придумали, что хоть что-то – душа же тянется к прекрасному. Граблями разного калибра они боронили землю, и получалось, ну, видели, такие рисуночки интересные, и в центре ставили камни, затейливые вещи. И там они сидели, медитировали, ну, чтоб хоть на что-то – нельзя же смотреть на белую стену. Хотя реальный дзен, суровый, требует именно этого: все остальное выбрось, все остальное – украшение и барахло, это костыли и подпорки, ты, давай, иди своими ногами. Но человек слаб и тянется к какой-то организации

пространства. Те сидели, медитировали. Увидели синтоисты и сказали: «Как классно, ну, так надо применить. Вот у нас возле урочища давайте и мы, точно так же забороним, поставим камешки. Только у нас будет не просто камни, как в буддийском монастыре, а мы дерево посадим, карликовые сосенки, мох, здесь выкопаем пруд, тут установим грот – будет совсем красиво». И так сложился японский сад, как синтез двух традиций: классической буддийской функциональной – для медитации и японской – как любование всем. Но буддист медитирует, и ищет Будду, и понимает, в каком мире он сейчас может находиться, рассуждает о бессмертии. Синтоист в этом же саду смотрит на природу с благоговением и говорит: «Боже мой, как хорошо, как прекрасен божий мир!» – то есть они о разном размышляют. Я вам рассказывал, вернее, не рассказывал, а в сборничке рассказиков, помните, я вам посылал? Там есть изумительный рассказ Дзюньитаро Танидзаки¹⁵ (прозаик, он, по-моему, уже скончался), один из величайших – «Похвала тени», великолепный. Это гимн Японии и всей японской эстетике. И там есть совершенно вдохновенный гимн японским уборным. Ничего похожего я не могу себе представить в европейской литературе. И он описывает, что приходит монах в эту монастырскую

¹⁵ **Дзюньитаро Танидзаки** – (1886 – 1965 гг.), японский писатель, драматург.

уборную, ну, классический сортир, чистый, что отличает его от остальных, потому что там недостаточно рук, чтобы содержать в чистоте, – и вот он садится, и в этот момент единения с природой – согласитесь, тут соединение с природой максимальное – он тоже смотрит на что-нибудь: на цветок в саду, на кусок голубого неба. Это тоже место для медитации. Это великолепно. Там, где отплевались бы евреи, мусульмане, христиане: «Какой ужас, профанация, насмешка!» – японец говорит: «А что, вы не ходите туда? А почему, собственно, нет?» Вы прочтите, это потрясающе, насколько человек проник. Я думаю, европеец все-таки никогда бы так не написал. И очень много о Японии становится понятно. И вот этот гимн уборным – он настолько много говорит о Японии! Ничего нет стыдного. Глупо чего бы то ни было стыдиться: жизнь во всех проявлениях хороша. Поэтому сад камней увидел у соседа – тут же применил к себе, никто не требует назад. А как? Это же естественно. Ну, небо ж ты не делишь на куски? «Вот на этот кусок не смотри». Нет. Так и здесь. Вот таким путем.

Надо сказать пару слов об истории, потому что иначе не будет понятно, как это все в динамике развивалось. В иерархии синтоистских храмов самый главный, самый крутой называется тот, который (раньше он был на окраине японской столицы, а сейчас он уже практически в

центре) называется Ясукуни – самый крутой синтоистский храм, где проходят молитвы, но не за мертвых, а за павших за Японию.

И, конечно, как только за павших за Японию воинов приходят молиться члены правительства, все страны, на территории которых японские солдаты погибли, – а во Второй мировой войне это ж было, Боже мой: Союз, Корея, Китай, Индонезия, ну где их только не было, – они начинают выражать дикую по этому поводу истерику. Но премьер-министр не может не пойти: это воссоединение с духами предков. И если бы он не пошел, его просто перестали бы понимать. И он обязательно отдает должное вообще всем: там покоятся, условно, души тех, кто пал за Японию за всю тысячелетнюю историю, в том числе и те, которые во Второй мировой войне. Хотя во Второй мировой войне они были захватчиками, но кого это интересует.

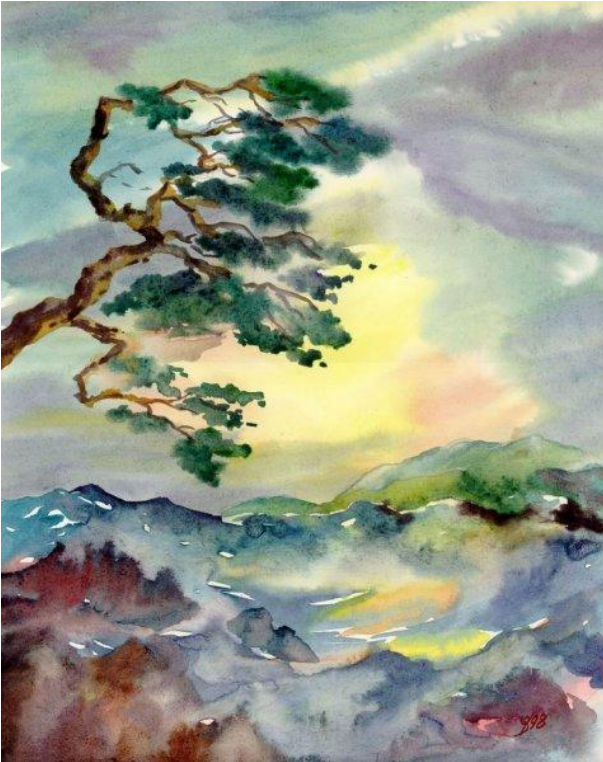

Ну, это Китай, но это ж все равно хорошо, посмотрите, рисунок чаньский-дзенский.

Давайте, Китай посмотрим, мы ж его так и не видели. Красиво, правда?

Студентка: Необыкновенно.

Мацих: Это китайский монах, может быть вполне японским, кстати,

с каменным шаром в руках. Такая классическая медитационная модель.

Это рисунок с непременно каким-нибудь стихотворным комментарием.

В Европе и в Индии поэзия и живопись шли разными путями. А здесь, на Дальнем Востоке, как-то оно все мыслилось вместе, то есть непременно текст поэтический должен быть. Конечно, понятно, это не дата написания, не фамилия художника, это какой-то подходящий к случаю стих. Это живопись полихромная, бывает вообще монохромная, которая самая лучшая, в два цвета – белая и черная.

И когда множество остается пустого пространства на листе – это высший класс, по-моему, в живописи: не закрашивать каждое свободное место, каждый миллиметр, а именно вот таким образом оставлять – эстетика совершенно необычная для Европы, но великолепная и потрясающая, я бы сказал.

Вот китайский храм традиционный:

это сочетание желтого с красным для Китая вообще характерно. Желтое – это власть, красное – это радость. В Китае белый – знак траура. На свадьбе жених и невеста одеты в красное. Красный – знак радости. Это соединение, радостное подчинение воле богов, желтое с красным.

Тоже китайский храм.

Храм Неба (Тянь Тань) на юге Пекина

Студентка: Это не храм Неба, который в Пекине?

Мацих: Может, но там же многие из тех храмов, которые были в классическом варианте, были закрыты. Их восстановили.

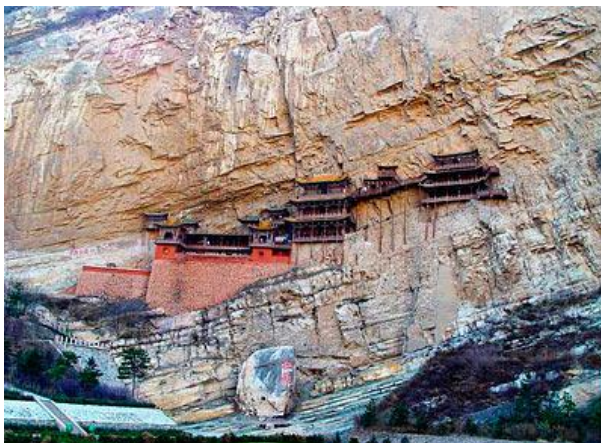
Нет, я думал, это статуя Будды в Лошане, но это не она.
[Это она и была. — Прим. ред.]

Статуя Будды Майтрейи в Лэшане — самая высокая статуя. Её высота 71 метр.

Это вот просто храм, вписанный в природу.

Сюанькун — это «Висячий храм» (или «Висячий монастырь»)

Китайцы тоже большие молодцы в этом плане.

Так, что там дальше у нас? А, подожди, во, вот это, конечно, никакой не храм. Это Пекин, центр,

и вот это называется Чжуменхай, Запретный город¹⁶, где жил император, а потом жила и живет китайская верхушка правящая.

Студентка: Они там живут разве?

Маших: Они живут. Да, они там реально живут. Он же огромный, как все в Китае. Там все чудовищных размеров. Часть отдано под музей, там же и мавзолей Мао. А часть жилая, и там такой комплекс, ну как в Кремле. И все это за

¹⁶ **Запретный город** — самый обширный дворцовый комплекс в мире (961x753 метров, 720 тыс. м²), главный дворцовый комплекс китайских императоров с XV по начало XX века. Находится в центре Пекина.

стеной. Вот так оно веками есть в центре Пекина. Бейдзин, они говорят не Пекин, а Бейдзин – Город Северного Спокойствия. И вот Чжуменхай, в нем там самая центровая часть, но это не храм, не путайте, это жилое и административное помещение.

Студентка: Меня поразило, какое количество там китайцев в этом городе.

Мацих: В Китае?

Студентка: Нет, именно там, ведь это же как памятник, как музей, в каком количестве они туда ходят.

Мацих: Они ходят везде. Сейчас, когда разрешили и у них появились бабки, – они очень любопытные, и они ж ничего не видели – они ездят по своему Китаю в диких количествах, разрушают древние статуи, например, пагоды, вот этого Будду в Лошане довели уже там до полного транса. Но самое замечательное, что они ездят по миру. Да, вот если будущие два-три года объем туристов из Китая вырастет до 130 миллионов, как они обещают, вот тут я на вас и посмотрю. То есть куда вы ни приедете, из ста – девяносто пять человек будут китайцы. Поэтому готовьтесь.

Вот красиво. Это Япония начинается. Вот, смотрите, какая прелесть – храм над водой. Великолепно! Ну, все

храмы, в принципе, красивы. Есть и в России – уцелело очень мало. Они ж ничего не разрушали, эти гады. А в России сколько разрушено. Но до сих пор сохранились церковь Покрова на Нерли, Киевская София – изумительной красоты храмы. Но люди, которые много путешествовали и имели возможность сравнивать, говорят, что ничего похожего на японскую храмовую архитектуру нигде в мире нет. Это потрясающая красота. Мне кажется, была фотография. Смотрите, какая изумительная. Это Золотой храм знаменитый, как он отражается в воде, – идея Праздника Двух Лун.

Кинкакудзи — Золотой храм

Это в Киото. Киото ж была древняя столица, а Токио тогда называлось вообще не Токио, а Эдо. Главная столица была Киото. Киото потом оставили таким полудеревяннным, там почти нет промышленности, это город-заповедник. Люди, которые были, говорят, потрясающе. Там нет гостиниц европейского стиля, нет кроватей в гостиницах, только циновки, нету стульев, нет унитазов, – все, как было в традиционной Японии. Ресторан берет не за еду, а за вид. Где тебя посадят, где самый лучший вид, столько ты и платишь. Такой японский взгляд на вещи: не так важно, что ты ешь (ну, примерно, то же самое и съешь), важно, на что ты смотришь в этот момент. На что мы смотрим в кабаках, я даже не хочу вам говорить.

Вот смотрите. Во время осеннего буйства красок, клен знаменитый,

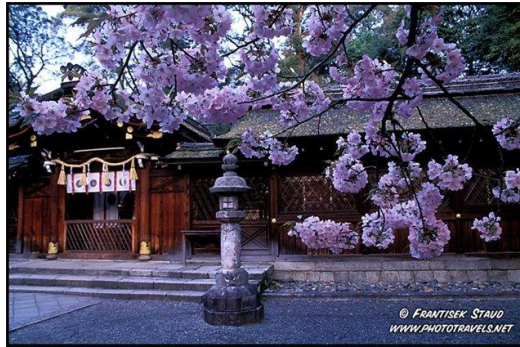
не всякий клен дает такой красный свет, это только такой специальный сахаристый. В Канаде такой клен, и в Японии таких много. Чем более красный лист, тем больше содержания сахара в соке этого дерева – отсюда кленовый сироп они делают. То есть, обычный дает желтый, а вот чем краснее, тем сахаристее. И в Японии много таких, и сочетание желтого с красным – фантастика. Это в Карпатах, кстати, тоже есть. Там есть желтые и красные, великолепные. Едешь – изумительные места. Но ничего там похожего. Никаких храмов, конечно, там никто никогда не строил. А могли бы.

Вот с огнями – это праздник огней в храме.

Ну, я думаю, лучшего эстетического впечатления мы не получим ни от чего. Кстати, сейчас в Японию все поездки дешевы [Намек на аварию на Фукусиме. – Прим. ред.]. Сейчас зацветет сакура, так что вот.

Вот смотрите, Белый храм, так называемый,

Замок Химедзи-дэ в префектуре Хиого

ну потрясающе. Он в два цвета, но как же он знаменит. Начинался с храма, потом это стало замком сегунским. Но храм они не разрушили, вот он так в скале, без пестроты, да, вот два цвета. Насколько все-таки удивительные люди. Я думаю, с точки зрения эстетики все народы хороши и изумительны, но японское понимание эстетики, наверное, самое утонченное и изысканное. Говорят, это больше всего проявляется в манере того, как одеваются женщины. Я прочел у того же Танидзаки, как традиционно одевались японские женщины – это кошмар: щеки должны были быть морковно-красные, а зубы надо было зачернить, не должно было быть белых зубов. Вот так. Это совершенно своеобразное представление о том, что такое красиво.

Студентка: А почему?

Мацих: Улыбка не красит бабу. Ну, чего зубы-то скалить. А так оно чуть-чуть, оно черная щель, но так, вроде, и нормально. В традиционных японских спектаклях, которые я видел, там мужчины играют, но когда они играют женщин, они выходят с зачерненными зубами. То есть японская традиционная дама в этих кимоно, с дикой прической необыкновенной в пятнадцать слоев с помощью заколок, лака, шпилек, каких-то там подкладок деревянных – чего там только нет. Прическа – это колоссальная вещь. Ну, вот прическа затейливая – как

можно с этой прической жить и вообще находиться больше двух часов, не знаю, – кимоно необыкновенной красоты и рисунка, и, собственно, все. Я не могу сказать, что уж там такое прямо необыкновенное изящество. Хотя, может быть, как это понимать. Походка эта мелкая, семенящая, непременно какой-нибудь предмет в руках – веер, зонтик. Я не могу сказать, что мода традиционная, как одевались женщины в Японии в старые времена, уж так прям от нее веет изяществом. Вот от архитектуры, мне кажется, это гораздо больше идет, но это мое личное впечатление. Японский ум очень своеобразный, вы знаете.

Вот храм Ясокуди.

Вот этот знак вы можете видеть на любом японском посольстве — Хризантемовый трон¹⁷. Это официальная эмблема Японии — Хризантемовый трон императора, микадо.

Студентка: Сейчас там есть император?

Мацих: Есть — Акихито¹⁸. Но это уже прежний, предыдущий.

Студент: Власть у него есть какая-нибудь?

Мацих: Никакой. У него никакой власти нет. Ну, давайте я вам сейчас расскажу. История Японии длинная и извилистая. Она, как всякая история, состоит из разных эпох. Поначалу в Японии правили цари, ну, условно их называют императоры, хотя у них не было названия императора, это были такие цари. И власть феодалов была слаба. И так было где-то до пятисотых-шестисотых годов нашей эры, после этого стала укрепляться власть сегунов, власть феодалов. И власть императора стала слабеть, то есть она была формальной, вся фактическая воинская сила

¹⁷ **Хризантемовый трон** — западное название трона императора Японии, используется с XIX века. Название происходит от императорской печати Японии официально принятой в 1889 году, на которой изображена 16-лепестковая желтая хризантема.

¹⁸ **Акихито** (23 декабря 1933, Токио) — правящий Император Японии 125-й в династии. Его посмертным именем будет Хэйсэй. В настоящее время Акихито является единственным в мире правящим императором.

была у сегунов, которые составляли между собой блоки, коалиции, воевали. На их стороне, естественно, был император, которому они поклонялись теоретически как богу. А реально, у кого больше самураев и кто круче в военном деле, тот, естественно, всем и заправлял.

Вот интересно, как было у них с вторжениями. Японию особо никто не пытался покорять, потому что далеко. Но монголы, которые доплыли хрен знает куда, узнав, находясь в Китае, что есть такая земля, решили, что «мы туда обязательно поплывем». Ну, не знаю, вы, наверное, недооцениваете братский монгольский народ – это же был ужас: монгольский десант приплыл на Яву, на Индонезию. Представляете, в овчинных полушубках в пятидесятиградусную жару. Но их всех вырезали на хрен, до единого человека, а уцелело только несколько китайцев. Они были в Гималаях, они хотели добраться до Индии, но очень далеко было, они не перебрались через горы: конь через горы тяжело идет – но все предгорья гималайские они покорили. Корея, Вьетнам – все было. Они с помощью китайцев, хотя там была теоретически монгольская власть династии Юань, поплыли и в Японию, высадились – конница, все. Японцы вышли вперед, узнав о том, что вот такая вражья сила, собрали войско, ополчение. Вперед вышли сегуны в расшитых кимоно и сказали: «Ну, как положено у нас, давайте ваших

богатырей на наших, и сразимся». Монголы с визгом выпустили на них конницу, которая изрубила этих сегунов в мелкую капусту, и войско осталось без предводителей. Но только на полчаса. Тут же власть вручили следующим. Японцы быстро поняли, кто перед ними, и выписали монголам так, как они никогда не получали ни в Европе, ни в Азии. И те убрались, ну, кто убежал, и рассказали о том, что очень негостеприимный народ, ну, как-то совсем не понимает шуток. Тогда император Хубилай¹⁹ сказал: «Э нет, так не пойдет, мы их покорим обязательно! Сколько их там?» Естественно, те, кто уцелели, стали рассказывать, что их несметные полчища, хотя сколько там этих японцев было. И он сказал: «Хорошо», – и решил погрузить на корабли полмиллиона человек одной только конницы. Это охренеть. Ну, на кораблях это невозможно перевезти. Тогда он решил строить. Они пришли в Корею – это самое узкое место, там все равно огромный пролив Корейский, но все-таки оттуда уже можно добраться до Японских островов. И они делали так: конница прошла этот кусок плотов, теперь стоит на этом, этот разбирают, монтируют здесь. Такими понтонами уже почти добрались до Японии, но – пол-лимона народа, это ж медленно – их заметили, доложили. Это, конечно, повергло в суровую тоску: ведь

¹⁹ **Хубилай** [1215 – 1294, монгольский хан, основатель монгольского государства Юань, в состав которого входил Китай.

очень много людей. И стало собираться ополчение. Они не знали, как дело кончится, но вы-то знаете, как дело кончилось: подул ветер, тайфун – камикадзе – «божественный ветер». Слово «камикадзе» означает не фамилию, Гурам Камикадзе, знаменитый грузинский пианист. «Камикадзе» – это «божественный ветер», спаситель Японии. «Ками», вы это знаете, – дух спасения, и он развеял это все – ну, тайфун, куда на фиг. Практически все погибли. После этого не предпринималось попыток. Японцы не знали поражений никогда, ни в каких войнах. Все войны, которые они затевали, они непременно выигрывали. В уставе японской армии во время Второй мировой войны была фраза, этим устав начинался: японская армия никогда не знала поражения в боях за славу императора. Но тут им пришлось. Ну, без атомного оружия ничего б тоже не вышло. То есть потому и бомбили, что стало понятно: их никак невозможно сковырнуть. При полном уже подавляющем преимуществе Америки, уничтожении японского флота, авиации они приняли тактику камикадзе – пикировать на самолетах вниз. Кто-то попадал, большинство – нет, но кто-то попадал реально в американские суда, особенно в авианосец, он же здоровый, в него трудно промахнуться. Это был жест отчаяния. Понятно, что ничего бы из этого не вышло. Они остались без сырья – то есть все. Но когда

высадились войска генерала Макартура²⁰ на Окинаве, крохотном островке, – маленький, ничтожный островок по сравнению с гигантскими японскими большими островами – то бой был такой, дрались все без исключения: старики, дети, женщины заточенными вилками. Потрясло то, что дети затачивали ложки, как в зоне у нас. Этим малым не давали даже ножей, с этими ложками перли на американскую армию. Конечно, они взяли Окинаву, но потери были такими, что он их рассчитал и сказал: «Знаете что, мы потеряем не только всю армию, но и половину населения Америки, если мы будем брать их штурмом – классическим способом. Поэтому надо или обстреливать – подводить корабли, разворачиваться левым бортом – бух – и полгорода, потом еще полгорода – так потихоньку, либо каким-то одним, но болезненным способом». Таким болезненным признана была атомная бомба. При этом они выбрали не Киото, хотя могли бы, и не столицу, а довольно два малозначительных городка – Хиросиму и Нагасаки, и за две бомбардировки стало понятно, что будет дальше. Продолжать бомбить они б не смогли долго: у них было всего десять бомб, но это вполне

²⁰ **Дуглас Макартур** (1880 – 1964) — американский военачальник, обладатель высшего звания — генерал армии, фельдмаршал филиппинской армии, кавалер многих орденов и медалей. В день нападения на Перл-Харбор (7 декабря 1941 года) Макартур командовал войсками союзников на Филиппинах.

хватило бы. Но две произвели мощнейшее впечатление. И вот тогда они капитулировали, потому что иначе победить их было бы невозможно.

Но вы посмотрите, что сейчас там творится: люди, которые сражаются в этом пекле, и как они себя ведут²¹. Ни одного случая грабежа, мародерства. Можете себе представить, чтобы было бы у арабов, про более просвещенные нации я даже боюсь говорить. Где-нибудь бы во Владивостоке такое рвануло, ой-ей-ей! А там вот так. И пишет японец о том, что все-таки ужасное несчастье затронуло несокрушимый японский дух: «Я сам видел, – пишет японец, – как машины, уезжая со светофора, нарушают рядность, вот до чего дошло. Разве такое можно было себе представить? Разве можно так давать волю страху?» Э-э, ребята, это серьезный народ. Это, значит, считается ужасным нарушением всех общепринятых норм, если человек так себя ведет. До какой же степени он трусил. Вот такое удивительное явление природы – Япония.

Студентка: Интересно, что делали они, глядя на те плавающие дома и автомобили?

²¹ Речь об **аварии на АЭС Фукусима-1** — крупная радиационная авария, произошедшая 11 марта 2011 года в результате сильнейшего в истории Японии землетрясения и последовавшего за ним цунами. (Прим. ред.)

Мацих: Ну, они плакали, как все, но все же едят, как они ведут себя. Во-первых, поддержка друг друга полная. Кто первый пришел на помощь? Армия и мафия. Мафия, во-первых, чтоб даже не было соблазна по поводу мародерства, установили ребят, собрали бабло, отвезли воду, рис, детское питание бесплатно. Объявили мораторий на крупные дела. Только по мелочи, там, проституция, рэкет, мошенничество.

Студентка: Мафия там существенную роль в жизни занимает?

Мацих: Очень. Якудза – одна из сильнейших. И они сказали, что «мы предупреждаем всех, что, если кто-то самопально захочет сейчас взять чужое, то мы разберемся лично, не дожидаясь полиции, мы вам ничего хорошего не обещаем». И как-то все поверили. И, кроме того, они присылают анонимно. Приходят люди, к ним придраться не за что, и говорят: «Вот у нас подарки от барона». Вот такая вот штука. Полная поддержка друг друга. Банки сказали, все выплатят, конечно, как только устанется ситуация. И абсолютнейшая солидарность: там экономят электричество из солидарности с пострадавшими районами. С другой стороны, представители пострадавших сказали: «У нас одна отрада – телевизор, а сейчас отменили развлекательные передачи, вообще вы

показываете целый день только, как мы страдаем, мы и так это видим. Нельзя ли как-то...» Они сказали: «Все», – и провели фестиваль комедийных фильмов.

Студентка: Трясет или уже все?

Мацих: Трясет до сих пор, но это уже не так трясет, как раньше. Но никто же не знает, как оно труханет. Сейчас четыре, пять балов – это много, но это не девять. Но самое ужасное – они не могут взять под контроль реакторы, никак. То есть вроде бы давление показывает, что не пробита стена, но уровень радиации такой страшный, как вроде бы пробита. Откуда течь, они не могут понять. Штатники помогают им и англичане – не могут понять откуда. Сложная штука. Но ведут себя в этом смысле совершенно безупречно. Такой вот удивительный народ. Ну, про японскую вежливость и про японские порядки можно рассказывать очень долго. Я думаю, это сплав трех религий, который на удивительную островную почву лег. Вообще, я вам должен сказать, на островах всегда самая удивительная фауна. На островах живут звери, птицы, которых нет в других местах. Жители островов, люди, тоже очень отличаются. Жители крупных островов – Англии, Японии – совершенно не похожи на остальных, правда? Вот в чем странность, и те и другие. И руль, заметьте, у них не там. Вот они по-другому все.

Студентка: У японцев тоже?

Мацих: Тоже. То есть у них все не так. Островная ментальность отличается от континентальной очень сильно. И, конечно, эти нации создают громадные империи, и планы у них, – ну, британская империя, над которой не заходит солнце, и английский дух. Японский, такой же, только Англия была в 19-ом, Япония в 20-ом, но, может, продолжит быть в 21-ом, но это примерно то же самое. И тот же дух самопожертвования, и кодекс чести. Английский джентльмен, который с улыбкой гибнет в бою, и самурай. Единственное отличие серьезное – никогда никто в Японии, какой бы он ни принадлежал религии, был бы он больше синтоист, буддист или конфуцианец, никогда не верил в бессмертие, как-то они не приняли эту идею совершенно. Они рискуют жизнью и умирают не для посмертных благ, ну, как скажем, мусульманин убивает людей в детском саду, или стреляет из-под юбок беременных баб, как в Буденовке, или кто уже совершенно смелый – хотя где сейчас такие мусульмане? – сражается с каким-то вооруженным противником для чего? Для того, чтобы семьдесят девственников встретили его в саду в райском. Христианский рыцарь ждал, что Богородица примет его как сына, что ангелы укроют его своими крыльями, то есть ради посмертного воздаяния. Японец никогда в это не верил. Самурай умирает или

рискует жизнью только ради славы и ради доброго имени в истории — это единственная его награда. Ничего большего ему не нужно, собственно, ни во что другое он и не верит. Он верит, что имя его будет бессмертно, его прославят летописцы, поэты, на его примере будут учиться, род его с радостью будет носить славную фамилию, и поэтому он готов умереть. Но ни в какую бессмертную жизнь, ни в какие перерождения, райские кущи они не верили никогда. Согласитесь, так умирать еще тяжелее. И самурайский кодекс, то, что называют у нас бушидо, бусидо — это комплекс книг, несколько, а главная называется «Дзёрури»²². И эта книга «Дзёрури» открывается изумительной фразой, совершенно потрясающей, она звучит так: «Всегда помни о том, что ты уже мертв». Это хорошо. Да, ты уже мертв, все уже произошло.

Студентка: А эти книги сейчас как исторические остались?

Мацих: Конечно, как исторические.

Студентка: Кто-то воспитывает по ним?

²² **Дзёрури** — возникший в Японии особый жанр драматической ритмованной прозы, предназначенной специально для речитативного пения. Прототипом для Дзёрури послужило искусство бродячих монахов, собиравших подаяние чтением отрывков из самурайских героических хроник.

Мацих: Не, я не думаю, что сейчас кто-то воспитывает, потому что какое сейчас самурайство, они об этом рассказывают с гордостью в школах, в университетах, в школах боевых искусств, которых в Японии множество. Это все проповедуется. Сейчас вряд ли кто этому следует. Но с другой стороны, мы же видим, как японцы вели себя во время Второй мировой войны, геройски абсолютно, и как они ведут себя сейчас: нет отбоя от желающих лезть в пекло. Не заставляет никто никого и не обманывает, как в Чернобыле: «Хлопцы, тройную зарплату, да каждому водки, а там работы-то – всех дел». И никто не говорил правды. Сейчас же рассказывают уцелевшие там старики. А тут нет, они все знают. Я думаю, это самурайский дух, но из-за чего? Какие такие деньги, если ты можешь сдохнуть через неделю, какими деньгами это все? Жив самурайский дух, конечно.

Студентка: Я хотела спросить по поводу женщин-самураев.

Мацих: Елена?

Студент: Ну, вот я читала книжку.

Мацих: Одну?

Студентка: Одну.

Мацих: А напрасно ты нарушила девственность рассудка.

Студентка: Упоминалось, что у них есть не только мужчины-самураи, но и женщины-самураи.

Мацих: Самураи, Леночкин, – это дворянское сословие, ну, как есть дворянин и есть дворянка. Есть барон, есть баронесса. Герцог и герцогиня.

Студентка: Если родился в определенной семье, то...

Мацих: То ты автоматически, естественно, да ты, например, была бы принцессой самурайского дома какого-нибудь там Но-Хода. И, естественно, значит, ты бы соответствующим образом воспитывалась – в изяществе, в хризантемах, в поэзии.

Студентка: Да, но при этом у них и женщины там владеют мечом.

Мацих: Они не владеют мечом. В некоторых домах учили женщин заколоться красиво. Да, это да. Но поскольку харакири женщина делать не станет: ну, запаadlo, и потом раздеваться женщине публично – это нехорошо, но заколоться она должна. Таким образом, да, чтобы он вошел, не раскрыв груди, целомудренно помереть. Она должна упасть на бок, желательно, и успеть

забросить край кимоно, чтобы не обнажилось, не дай Бог, колено, ножка – это плохо. Вот этому искусству надо учиться – владеть собой, испытывать, терпеть боль. Но она должна заколоться прежде, чем враги ее начнут серьезно терзать, потому что она, понятно, не выдержит. И не нужно ее таким испытаниям подвергать, поэтому она всегда носит с собой кинжальчик. Некоторые пользовались для защиты от насильников, это да, то есть они владели кинжалом, но от них не требовал никто искусства, как от мужиков. Мужики, самураи – такие легенды, как они владели этим мечом, это ж фантастика.

Расскажу вам одну замечательную самурайскую легенду. К некоему учителю пришли ученики и сказали: «Пойдем с тобой куда угодно, любые бабки, бей нас, но выучи». И он говорит: «Хорошо». Зашли на какой-то двор, пристал к ним какой-то гад. Учитель одним движением клинка выхватил меч и отрубил ему ножны, и ножны упали к ногам. Все сказали: «Браво». Второй раз он таким же [образом] – выхватил меч и перерубил ему перевязь, тут и она упала – это позор считался. И все тоже заплодировали, сказали: «Великолепно». А потом, третий раз, они шли через поле, и он увидел муху и перерубил муху пополам, но они муху не увидели и сказали: «Вот, учитель зря обнажил свой такой славный меч, понапрасну машет», – это тоже считалось дурным поступком. И он

понял: учить надо только до той поры, пока ученики понимают, а дальше учить не надо. То есть до той степени, пока ученики способны тебя воспринять. Муху они не видят. Хорошая, тонкая притча. У Акутагавы Рюноскэ масса замечательных рассказов из самурайского быта, на самурайских легендах основанных, я вам рекомендовал, там, отложенная месть и так далее – все это потрясающе. Конечно, о самураях миф существует, там есть, что мифологизировать. Самурай владел мечом великолепно, меч считался душой самурая. Это реально. У него был один меч за всю жизнь, и искусствоковки мечей – это была практически не ковка, а сварка – таким мастерством владели только в Европе французы, франки; потом научились позже немцы, итальянцы и японцы. Ни арабы, ни индийцы, ни китайцы не могли такого ковать. Он очень долго куется – это же практически холодная сварка. И там привариваются друг к другу разные пласты, из разных пластов стали состоит, через то он такой суровый. И самая наружная кромка, которая поддается затачиванию, – есть специальные способы затачивания – и меч всегда в безупречном состоянии. Два меча: один большой боевой, второй маленький, короткий. Они всегда при самураях были. Лук, которым он тоже владел хорошо, копье. Самурай владел любым оружием. Что касается боевых искусств, то это как раз монашеские дела, не самурайские.

Боевые искусства развивали те, которым нельзя было носить оружие. И каратэ, которое из кун-фу китайского, и дзюдо, и джиу-джитсу, еще там чертова прорва этих видов. Это монахи, которым надо было ходить, а на них каждый норовил напасть – разбойники, или тот же самый самурай, или просто пьяный, потому что оружие монах не имел право брать в руки. Все, он утрачивал монашеский статус. Железа вообще нельзя было брать. Железа и золота – двух металлов. Железо – война, золото – богатство. Нельзя было просто брать в руки. А как ты будешь отбиваться? Деревяшками-нунчаками либо кулаком вместо любого меча, но так, чтобы он понял. Эти приемы, все эти штуки – все развилось из необходимости монахам защищаться. Поскольку монахи, конечно, в дзенском воспитании выполняли роль воинскую. Ниндзя пресловутые кто были? Это были все монахи. Там система воспитания была жестче всего. Реальные ниндзя – тоже там, конечно, много мифологизировано – но те, которые самые чудовищные испытания преодолевали, это были монахи, которые таким образом воспитаны, потом выполняли всякие такие поручения.

Рассказать вам о самом пикантном? Был некий сегун, и были у него враги. Враг все время хотел его убить. А тот никогда не давался, потому что он всегда со стражей, у него там двести самураев жили плюс еще школа

фехтовального мастерства – это ученики, еще пятьсот человек, ну как их сковырнешь? Замок непреступный, огнестрельного оружия не было. А убить надо было. А он плохо себя вел: каких-то украл дочек чужих, изнасиловал какую-то совсем не ту принцессу, какую следовало. И вот тот, который хотел его убить, очень огорчился. Но прямой войной – никак, и он обратился к монахам-ниндзя. И сказал, что «я плачу деньги, а вот этот такой негодяй, поэтому, если вы его убьете, награда ваша будет велика». Ладно, они сказали, убьем. И один из этих кадров как простой монах ходил туда за подаянием и все смотрел и понял, что никак: везде стража, тройной контроль – невозможно. Тогда он, ну, поскольку к нему привыкли, стал с каждой неделей заходить во все более внутренний двор. Что-то чистил, убирал, пел, и на него перестали обращать внимание. И в один из дней он не вышел назад. А через сутки узнали о том, что помер в самом неожиданном, пикантном месте – в туалете убит этот самый сегун. В своем персональном туалете! А монах через какое-то время вышел, получил награду и сказал: «Ну, вот видите как, нет невыполнимых задач». А как он сделал? Он тренировался все это время, пока он к ним ходил, утром, вечером. Он днем и ночью сидел в чане с жидкой глиной, тренировался и дышал через камышину, учился там сидеть и чувствовать себя комфортно. Потом он

в эту глину стал добавлять все более и более вонючие травы и дохлую рыбу, чтобы, понятно, к боевым условиям было поближе, и в назначенный день он, – у него была камышовая трубочка, через которую он там что-то свиристел, туда он спрятал тонкую, железную палку, – спрыгнул в сортир, через камышину дышал, дождался, пока пришел этот сегун, – и все. А потом он через какое-то время, когда вся тревога улеглась, вышел оттуда потихонечку и, невзирая на свой непрезентабельный внешний вид, спокойно удалился за наградой.

Студент: Практически незамеченным. Ну, не очень понятно, как можно не заметить человека, идущего...

Мацих: В говне?

Студентка: А почему Япония Японией называется?

Мацих: Я думаю, что можно не заметить: когда вычерпывают эту всю хреновину, там остаться. Золотари японские вычерпывают эту всю прелесть – в этот момент можно выйти спокойно. Если где-то спрятать нормальную одежду, быстро переодеться – ну, пованивает, не без того. Помыть где-нибудь там в фонтане, в ручейке, что удастся помыть, и уйти. Монах как монах.

Студент: Ну, а как этот император, или как его зовут?

Мацих: Сегун, сегун – это звание.

Студент: Сегун, когда его убили, он же в туалете был...

Мацих: Да, и там его и нашли.

Студент: Пришли его слуги...

Мацих: А как – достало до самого не могу, а потом он вытащил и все, и непонятно, отчего.

Студент: Но кровь же была?

Мацих: Была, от внутреннего кровотечения, они не могли понять, отчего. Но никто не подумал, что это кто-то...

Студент: Ювелирная работа

Мацих: Скрытый геморрой или там еще чего-нибудь. Вот такой замечательный парень. Япония называется Японией вот почему. Китайцы называли эту страну «Жи-Бень-Го» – «Страна Корней Солнца», ну, Страна Восходящего Солнца. Они понимали, что дальше земли нет, и солнце оттуда восходит. Потом португальцы записали это, как «Чи-пин-гу» – «Джапан-Го», «Го» – государство – на фиг, «Джапан» – Япония. Вот такая этимология происхождения слова «Япония» в европейских языках. Так же, как китайцы, тоже никогда не называли себя Китай или там Чайна, Щин, по-итальянски как?

Студентка: Чина.

Маших: Чина, ну да, по-французски – Шин, а по-английски – Чайна – это все одно и то же написание, произношение разное. Это потому что, когда приплыли европейцы, они спросили: «Какая династия»? А династия была Цинь. Они сказали: «Цинь». А они понимали так, что государство. Иезуиты передали «цинь», и так пошла «Чайна». Да, а русское «Китай», ну, это просто потому, что кирпич назывался «китай». Отсюда Китай-город, место, где кирпичная стена. По мнению средневековых летописцев, только там умели делать настоящие кирпичи. Здешний кирпич назывался плинфа, и он был тонкий. Такого кирпича, как там, делать не умели. Да еще и армированного, там же в нем были такие полости, туда добавлялся свинец для крепости, пруты, ну, как железобетон. И вот это и называлось «китай». Поэтому так вот и страна.

Студентка: То есть сначала был какой-то кирпич, который...

Маших: Который оттуда привезли и сказали: «Ух, ты блин, а кто же это умеет делать»? – «А это вот те, жители дальней, дальней страны». Про Китай давно было известно в России через кочевников, еще с монгольских времен. То есть среди монголов было множество

инженеров-китайцев, они строили, они разрушали, осадные орудия. Вот они эти кирпичи и фигачили.

Студентка: То есть было русское слово «китай», просто назывался камушек какой-то, вид кирпича? То есть здесь нету никакого совпадения, что «чина», «кина» – ведь это все близко.

Мацих: Нет, ну, «т» откуда? Нет. Потому что тогда еще европейцы про Китай не знали. Они узнали позже. Что-то я еще хотел сказать, вы что-то спрашивали? Все? Да, самоназвание страны редко совпадает с тем, как ее называют остальные. Немцы называют себя «дойче» и не знают, что они немцы. То есть немые от рождения. Это еще вопрос – кто немой?

Студентка: А немцев везде по-разному называют, потому что они – тедеско²³, алеманны²⁴.

Мацих: Алеманны, племя было алеманны.

Студентка: Тедеско на итальянском.

²³ **Тедеско** (ит.) – Немецкий танец, также название итальянцами немцев.

²⁴ **Алеманны** или **аламанны** (от герм. *alle manner* – «все люди», алем. *Alemanne*, нем. *Alamannen*, *Alemannen*) – германский союз племен, в который вошли племена из распавшихся ранее союзов свевов и маркоманов, а также пришедшие с севера ютунги. Позже стали известны под именем швабов. В ряде романских языков слово «алман» сохранилось как общее название немцев.

Мацих: Германос, да. Как-то так, швабы, дойче, но немцами называют только тут.

Студентка: Я спросила немца, что значит «Дойчланд», он не смог мне объяснить.

Мацих: Дойч – это как французское «дье», «деос» – бог, это божья нация. Народ бога.

Студентка: Я ему сообщу.

Мацих: Ну, в общем, немцы. Немцы – это народ бога, конечно. Такие дела. Ну, что, мои дорогие, какие у вас вопросы по Японии с прекрасным Хризантемовым тронем и сплавом синтоизма, буддизма и конфуцианства?

Студентка: Что-то про конфуцианство мало.

Мацих: Про конфуцианство я ж сказал, мы про конфуцианство китайское говорили достаточно много. Оно ж не отличается принципиально. Конфуцианство – это, во-первых, грамотность. Конфуцианство – это письменная традиция, это чиновничество. Конфуцианство – это же не религия, это этика чиновничества: «честно служи, не бери взятку, умри за государя, исполняй долг, всегда говори правду, учись на древних текстах, преумножай мудрость» – вот это конфуцианство. То есть оно могло развиваться только уже с мощным развитием городов и

инфраструктуры городской, когда появилась необходимость во всяких книжниках и грамотеях, которые были бы альтернативой буддизму, вот это конфуцианство. Конфуцианские принципы из трактатов «Лунь юй» – «Беседы о праведности»²⁵, они одинаковые в Китае и Японии. Это пять благородных истин: отношения родителей и детей, мужа и жены, братьев между собой, друзей и работодателя с работником. Вот это пять истин, которыми должен владеть простой человек. Все пять на основе полного подчинения. Жена убивает мужа, младший слушает старшего. По-китайски нет слова «брат» – масоны там в затруднении – есть младшие братья, а есть старшие братья. Нет вообще брата. Есть какой-то конкретный брат. Так же по-чукотски нет слова «снег», а есть двадцать наименований. Поэтому в Китае всегда конкретно, какой брат. И, соответственно, каким ты называешься братом, такое место в иерархии ты сразу же занимаешь. Конфуцианство – это иерархия, это четкое понимание, где ты на лестнице, какие у тебя права по отношению к младшим, какие у тебя обязанности по отношению к старшим, и что ты должен делать, потому что для

²⁵ **Лунь Юй** («Беседы и суждения», «Аналекты Конфуция») — наряду с «И-цзином» и «Дао Дэ Цзином» — один из наиболее знаменитых текстов Дальнего Востока. Главная книга конфуцианства, составленная учениками Конфуция из кратких заметок, фиксирующих высказывания, поступки учителя, а также диалоги с его участием. Знание этой книги наизусть являлось обязательным требованием китайского классического образования.

совершенного мужа прежде всего обязанности и долг, потом все остальное. Вот вам конфуцианство – в Китае такое же и в Японии такое же. Но когда оно пришло, то оно, конечно, встретило этот сплав интересный синтоизма народного и буддизма религиозного. И как бы вместе дало еще и такую удивительную окраску.

Студентка: Сколько в процентном соотношении в Японии буддистов и синтоистов?

Мацих: А нельзя сказать в процентном, потому что там каждый одновременно и синтоист, и конфуцианец, и буддист. Они не разделяют. Это не как в России – православных, ну, условно, 60 процентов, ни во что не верящих – 30 и 10 всех остальных.

Студентка: Они просто во все верят.

Мацих: Они во все верят, да. Ну, как бы, не то что они верят – они соблюдают. На самом деле, мне кажется, вопрос веры их вообще не интересует. Они верят в свою страну, в предназначение и в свой долг. Но верить в религиозном смысле, как в Европе, – нет, они не верят. Вообще, в синтоизме в особенности, обрядовая сторона гораздо важнее мировоззренческой. Сейчас этого полно в православии – люди ставят свечи, держат посты, спроси: «А во что ты, собственно, веришь?» – никто тебе в жизни

не ответит, и Евангелие никто даже не открывал. Да. Я с этим сталкивался множество раз. Нынешнее православие – это просто поголовная вещь. Такое же, кстати говоря, и в современном иудаизме. Из тех евреев советских, кто сейчас его принимает, они все тщательно соблюдают, ни уха ни рыла, ничего не знают об идеологии, о самой подкладке. В синто и знать особо ничего, и они не интересуются. Самое важное – правильно исполнить жертву, в правильный день прийти, вот так поклониться, вот здесь переодеться, не дай Бог, не зайти в европейской одежде. Дать жрецу, сюда – монетку, сюда рисовую лепешку положить, сюда – такой шарик, онагири, – рис в водорослях.

Студентка: Они понимают, для чего это все?

Мацих: Ну, для духов. Они не понимают особо, кому это все идет, что там будет с этим делаться. И их это не интересует. Вот жрец-куниси сказал: «Вот так зайдешь, дорогая, тебя что интересует? Чтоб были хахали и причем нормальные, а не всякая шушера клеилась? Вот сюда иди, придешь через 3 дня, принесешь такое-то, оденешься, как следует японской девушке, вот сюда вот так положишь». Ты так и делаешь. При этом как эти духи между собой соотносятся, где они сейчас находятся, куда пойдет моя жертва, каким образом дух меня услышит – это их вообще

не интересует. Обрядовая сторона вытесняет мировоззренческую. Но для них это важно. И это плохо. Для религии важно, во что ты веришь, поскольку если не верим в Христа, как говорил Павел, то и вера наша тщетна, если не верим в Воскресение. Нынешние, которые ходят в церковь, понятия не имеют про Воскресение и уж, конечно, не думают, что они воскреснут. Нет, воскресенье – это день, когда можно забухать, а вовсе не победа духа над плотью. Не, ну, она зайдет, она будет истово креститься, в юбке, не дай Бог, не в брюках, в платочке, сотрет предварительно с морды четыре слоя краски, свечечку эту, с экстрактом красавки, анузола, поставит – всё, обязательно, то есть всё чисто внешнее, ритуальное и не то чтобы даже показное, а именно обрядовое такое. Мировоззренческого нет. Но там это как-то никого особо не интересовало, потому что синтоизм в этом и существует. Устрой дома сад, например. У человека беспокойный дух. Что советует ему куниси – жрец, священник синтоистский? Устрой дома сад. Человек зажиточный, в данном случае говорим о зажиточном человеке, покупает дом японский – у них, знаете, такие раздвижные сёдзи, такие как бы ширмы, раздвижные двери – и нанимает мастера. Мастер на небольшом участке – там же вообще с землей очень плохо, земля бешено дорогая, особенно в городах – ну, он где-то там

находит участочек. Это рассказ, беллетристика, что человек не находил себе места, не знал, ради чего он живет и так далее. И он был последовательно у христиан, у буддистов – никто ничего не сказал, а вот старый священник-куниси, пожилой, он спал, а тот что-то рассказывал, говорит: «Я знаю. Сделай себе сад». И сказал, как. И вот он построил себе традиционный дом, ну, это в Японии, как я понимаю, у многих, но четвертая стена этого дома, когда раздвигается, получается сад. Маленький садик, с гротом, с фонтанчиком, с камешками, эти карликовые сосны – бонсай, мох. И он говорит: «Ухаживай за садом и каждое утро смотри». И все. И он успокоился. Мораль очень понятна у рассказа, да? Не ищи каких-то... Вот он стал частью природы, он впустил природу, как он сам потом пишет, «сад вошел в мой дом». В этом для японцев штука. Там, где мы глотаем таблетки, идем к психоаналитику, на тренинг – куда мы еще идем? – биться головой об стенку, там такой существует способ. Я думаю, для Европы это мало приемлемо. Если мы будем смотреть в сад, мы будем видеть: «вот тут надо выкорчевать, а у соседа лучше, а вот проехал мерседес, на нем везут девок, а я опять тут сижу». А если сконцентрироваться: «сад вошел в мой дом» – и все, и человек как бы в этой природе растворился.

Студентка: И в то же время в Японии же очень много самоубийств.

Мацих: Я не слышал. Я думаю, что больше всего в Швеции. Я слышал про Швецию, слышал про Венгрию на втором месте и достаточно много в Финляндии. Это страны с высоким уровнем жизни, древний народ, и народу как бы не для чего жить. Материальные стандарты очень высокие, а много зарабатывать не дадут – налоги страшные. В Швеции они зарабатывают достаточно, но там не как в Америке – ты можешь зарабатывать, сколько хочешь, и все твое. Ну, налог ты платишь, но налог там 25 процентов, ну, 30, в Швеции – 60-70. Ну кто будет работать на таких условиях? И на хрена? И люди, если нет реализации, а жизнь такая очень буржуазная – вот так вот об землю рожей, маленькие городки – все видно. Или, так сказать, такие традиционные земные радости – выпить, уколоться, девки, но чем ты больше пьешь и колешься, тем меньше девок, естественно, да? И потихоньку, и девки перестают интересоваться. И тогда что? Только пить. Или колоться. И они приходят к этому рубежу. Не видят смысла продолжать жизнь. Защищать отечество ни от кого не надо, несчастий там нет, страна не воюет уже 100 лет, 200, 300 лет. Ну, Венгрия воевала, правда, но как-то вот истощенность. У японцев нет такого. Я не слышал про самоубийства. Там бывают, например, чиновник может

совершить самоубийство, когда ему сказали, что: «вот вы знаете, вы совершили нарушение, взятка доказана, и подчиненный вас обманул. Что будем делать?» Он вешается. Без двух слов. Если б эти правила действовали в России, страна бы осталась без руководства вообще. Просто обезглавили бы, да?

Студентка: А там, по-моему, таки себя извел министр, который заснул. Было событие, два года-три тому назад, когда показывали слет Большой Восьмерки...

Мацих: Он не заснул, он, наоборот, выпил и в пьяном виде отвечал на вопросы. Слишком развязно, ну, как пьяный. Весело, жестикулировал, и корреспонденты сказали – а это была на ту беду международная конференция: «Какая же ты сволочь, как ты страну опозорил, теперь что будут думать о нашей стране?» Поднялся дикий вой, показали, естественно, везде по телевидению и в интернете. Неопровержимо. Он говорил: «Да я там, чуть-чуть», – ну а какой «чуть-чуть» – его и съели. Ну и да – покончил с собой. Потому что это неслыханный позор нации, и он опозорил себя, свой род, должность – все.

Студент: Видимо, у них из-за этого такой большой порог самоубийств, если такое есть.

Мацих: Нет, они это редко допускают такие вещи.

Студентка: Это самоубийства среди писателей, я помню у Акунина была книжка «Писатель и самоубийство».

Мацих: Нет, в писатели идут совершенно определенного типа люди – Мисима и Рюноскэ, остальные – нет. Кобо Абэ живет до сих пор²⁶, по-моему, из тех, кого мы знаем, Ясунари Кавабата тоже²⁷ [долго жил].

Студент: А из того, что они там очень много работают, в этом плане что?

Мацих: Смотрите, по сравнению с Россией они работают очень много. Ну, во-первых, это нетрудно. Во-вторых, их это не тяготит.

Студент: А по сравнению с кем мало? С Китаем? С корейцами?

Мацих: С Китаем, с Кореей, может быть, с Америкой. Американцы очень пашут круто. Но понимаете, когда человек работает, он никогда не покончит с собой. Человек покончит с собой, когда у него нет работы, вот в

²⁶ **Кобо Абэ**, наст. имя **Абэ Кимифуса** (1924-1993) — выдающийся японский писатель, драматург и сценарист, один из лидеров японского послевоенного авангарда в искусстве. Скоропостижно умер в 1993 году в возрасте 68 лет.

²⁷ **Ясунари Кавабата** умер в 1972 году, отравившись угарным газом. В качестве одной из версий происшедшего называли самоубийство.

это я поверю. И он – в отчаянии, он приходит домой, жена говорит: «Ну, Стас? Опять?», – все. И дети: «Папа!» – и он понимает, что он никакой, ничего ему не светит, тогда он готов. Вот тут я готов поверить в самоубийство. Я готов поверить, когда человек живет в городе, он понимает, что он в этой жопе проживет всю свою жизнь, он никогда не уедет, и он в этом маленьком городке, и никаких перспектив. Он будет точно так же жить, как его соседи, спившиеся скоты, в этом страшном доме, который с деда-прадеда. Это может быть причиной самоубийства. Но если человек работает, как бы много он ни работал, – большая работа как раз лечит от самоубийства. Поэтому нет, никак это не получается. Самоубийства есть в любой стране, безусловно, но доказано: максимальное число самоубийств – среди молодых, старые – редко. Цепляются за жизнь. Молодым кажется, может быть, правильно, может, им ложно кажется, но у них впечатление, что у них в жизни нет перспектив. Вот эти очень склонны к самоубийству. Ну, плюс несчастная любовь, это понятно. Этот процент, я думаю, везде одинаков. А вот когда человек реально видит: перспектив нет. Когда в России был массовый всплеск самоубийств? Пошли массовые увольнения из армии после краха совка, и офицеры поняли – всё: они без квартир, без службы, без денег, непонятно куда, у него жена, дети, они живут в какой-то

заднице, и сегодня еще как-то дают какое-то жилье, а завтра – вообще на улицу, и никаких перспектив нет: работы нет нигде – ни здесь, ни в области. Ну, тогда они многие. Вообще нормальный бы офицер, если бы это был русский офицер, как мы знали, взял бы оружие и грохнул бы десяток ублюдков, но эти, которые уже полуживотные, они только себя. Вот такая вот штука. Такие самоубийства есть.

Поэтому, мне кажется, в Японии их не очень много может быть. Хотя, в принципе, количество людей, склонных к суициду, среди всех наций примерно одинаково.

